

70
J $\frac{51}{340}$
268.2^{ae}

51
340

НАРОДНЫЯ ИЗДАВАНІЯ

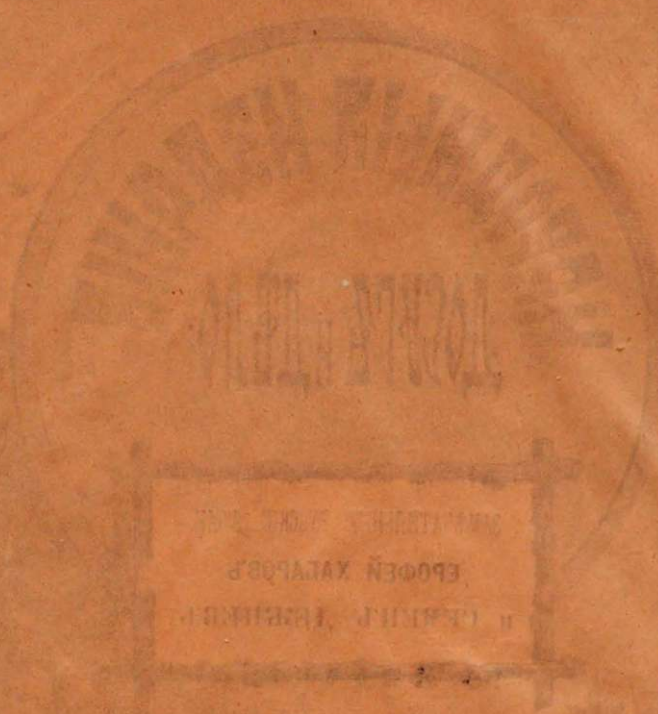
ДОСУГЪ И ДѢЛО

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ РУССКІЕ ЛЮДИ.

ЕРОФЕЙ ХАБАРОВЪ

и СЕМЕНЪ ДЕЖНЕВЪ.

С/51
340

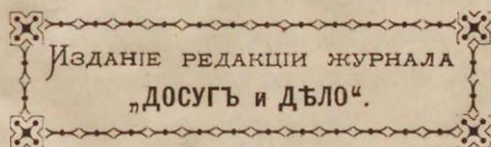
ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ РУССКІЕ ЛЮДИ.

ЕРОФЕЙ ХАБАРОВЪ

И

СЕМЕНЪ ДЕЖНЕВЪ.

2-е Изданіе

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія высочайше утвержден. Товарищ. «Общественная Польза»
Большая Подъячская, д. № 39.

1897

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Сент. 1897 года.

21852-0

2007079524

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1946 г.
3						u	395 398	

Зак. 242. Тир. 240 тс.

64

I.

ЕРОФЕЙ ХАБАРОВЪ.

Въ значительномъ числѣ русскихъ людей или простонародья, оказавшихъ болѣе или менѣе важныя услуги отечеству, не послѣднее мѣсто занимаетъ посадскій, т. е. говоря по-настоящему, мѣщанинъ города Великаго Устюга (Вологодской губерніи), Ерофей Павловичъ Хабаровъ.

О времени рожденія, молодости и первоначальной дѣятельности Хабарова нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что онъ въ началѣ XVII столѣтія занимался вываркою соли въ городѣ Сольвычегодскѣ (той же губерніи, въ 30 верстахъ отъ Устюга).

Неизвѣстно также, какія обстоятельства, неудачи, нужда или желаніе попытать счастья на новомъ мѣстѣ, заставили Хабарова бросить родину и отправиться въ Сибирь, носившую прозвище «золотаго дна» для однихъ и бывшую мѣстомъ ужаса для другихъ. Такія мнѣнія существовали издавна, да сколько кажется, существуютъ и теперь.

Необходимо замѣтить, что изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, новгородцы отличались наибольшею смѣлостью, предприимчивостью и склонностью къ развѣдкамъ и отыскиванію новыхъ

земель. Новгородцамъ основано поселеніе и занято много городовъ, посадовъ и селъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Европейской Россіи. Еще до татарскаго вторженія и слѣдовавшаго затѣмъ погрома, они заселили пространство отъ Кубенскаго озера, р.р. Шексны и Сѣверной Двины до Камы, и даже за Камою, вплоть до *камня*, по нынѣшнему Уральскаго хребта. Когда же знаменитый Ермакъ завоевалъ Сибирь, вслѣдъ за нимъ и его спутниками вскорѣ послѣдовали многіе изъ жителей сѣверныхъ городовъ, заселенныхъ потомками новгородцевъ.

Пути, по которымъ двигались какъ казаки-завоеватели, такъ и мирные, хотя вооруженные на всякій случай поселенцы-жители сѣверной Россіи, были преимущественно, вѣрнѣе даже, исключительно рѣчные.

Переваливши за *камень*, т. е. чрезъ горный хребетъ, путники достигали до лѣвыхъ притоковъ р. Оби, по нимъ спускались въ Обь. Потомъ поднимались по правымъ притокамъ, до слѣдующаго волока къ другой огромной сибирской рѣкѣ—Енисею. Такимъ же образомъ съ Енисея добрались до Лены, третьей рѣки, превосходящей по своей величинѣ обѣ первыя.

Какимъ путемъ добрался до Лены Хабаровъ, — нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что онъ, найдя соленые ключи при устьѣ Куты, какъ знающій свое дѣло солеваръ, положилъ основаніе Усть-Кутскому солеваренному заводу, существующему въ казенномъ вѣдомствѣ и понынѣ.

Въ рукахъ человѣка предпріимчиваго, умнаго, смѣлаго и знающаго свое дѣло, оно пошло превосходно. Соль была нужна всѣмъ, но нигдѣ по сосѣдству ея не добывали, а доставляли изъ мѣстъ очень отдаленныхъ, что при тогдашнемъ бездорожьи, сильно возвышало цѣнность этого необходимаго для людей предмета.

Легко могло бы стать, что тутъ пришлось бы и свѣко-

вать велико-устюжскому посадскому, но судьба рѣшила иначе. Якутскій воевода, узнавъ объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Хабарова и значительныхъ доходахъ, доставляемыхъ заводомъ, взялъ варницы въ свое вѣдѣніе.

Еще гораздо ранѣе основанія завода при устьѣ Куты, казаки и охочіе люди съ Лены пробрались до великаго моря-океана и положили тамъ основаніе нынѣшнему городу Охотску. Здѣсь они узнали о существованіи, гдѣ-то на югѣ, какой-то огромной рѣки, впадающей въ то самое море-океанъ, на берегу котораго явилось первое русское укрѣпленіе, по тогдашнему *острожекъ*. Кочующее, точнѣе бродячее въ окрестностяхъ тунгусское племя — гиляки — сообщили нашимъ пришельцамъ, что тамъ далеко, на полдень, находится *Амуръ*, что значитъ по-русски *большая рѣка*. Это гиляцкое слово наши приняли за названіе рѣки и наименовали ее Амуромъ. Объ Амурѣ пошли толки, слухи и рассказы; говорили, что на этой рѣкѣ изобиліе всѣхъ благъ земныхъ. Всего въ-волю и въ-досталь: и хлѣба, и мяса, и рыбы, а главное водки — сколько хочешь. Что соболей можно бить бабамъ коромыслами. Мало того, что будто бы тамъ камней самоцвѣтныхъ, серебра и золота видимо-невидимо. Какъ не воспользоваться такою благодатью? Охотники скоро нашлись, но успѣха не имѣли. Одни, какихъ была большая часть, пропадали безъ вѣсти; другіе же хотя и возвращались, но съ пустыми руками и рассказами о страшной силѣ вражеской. Правда, что кое-кому, хотя и очень немногимъ, удавалось приносить съ собою соболей шкурки, золотыя и серебряныя вещицы и точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ существованіи водки, только не хлѣбной, а просяной, впрочемъ такой-же забористой.

Пути къ сѣверу и востоку были извѣданы казаками и охочими людьми, и они отлично знали, что, пойдя въ эти страны,

наторпишься и холода, и голода; но людей бояться нечего, бѣды отъ нихъ не будетъ, а скорѣе нажива. Стрѣльнулъ разъ-другой изъ пищали—и бери чтò хочешь: все твое. Этимъ наши удалцы пользовались и, надо сказать правду, не всегда и не совсѣмъ по совѣсти. Ну, да кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! Въ тѣ прошедшія времена на некрещенаго инородца многіе, даже самые добрые и богобоязненные люди, смотрѣли какъ на нечистое животное и не признавали въ немъ человѣка; и такъ дѣлалось не у насъ однихъ, а въ цѣломъ свѣтѣ.

Путь къ югу былъ и теплѣе и сытнѣе, за то поопаснѣе. Дѣло въ томъ, что здѣсь начинались владѣнія обширнаго Китайскаго государства, по своему высоко-образованнаго. Китайскихъ подданныхъ нельзѣ уже было пугать и разгонять огнестрѣльнымъ оружіемъ: у нихъ водилось свое такое же: оно дѣйствительно было плохое, но и у нашихъ имѣлись пищали, дробовики и *волкомейки* (т. е. фалконеты) не лучше. Противъ нашихъ силы, отваги и смѣлости, китайцы выставляли свою силу—многочисленность. Кѣмъ-то когда-то сказано, что «семеро одного не бьютъ». Положимъ, что это не всегда вѣрно, а у китайцевъ не рѣдкость и не диковина послать на одного не семь, а семьдесятъ семь! Начни такую тучу рѣзать какъ барановъ, и то руки устанутъ и ножъ затупится! А вѣдь это, во всякомъ случаѣ не бараны, а такіе же живые люди, какъ и всѣ, и къ тому же люди вооруженные. Возвратившіеся съ таинственнаго Амура люди, кромѣ блестящихъ бездѣлицъ и свѣдѣній о нахожденіи тамъ водки, считавшейся тогда въ Сибири драгоцѣнностью, приносили съ собою другое не менѣе соблазнительное и къ тому же строго запрещенное растеніе—*табакъ*. Стоитъ только припомнить, что по тогдашнимъ законамъ за «питье», т. е. куренье табаку и «уживанье» (нюханье) виновныхъ, изобличенныхъ въ такихъ тяжкихъ преступленіяхъ, не-

щадно наказывали. Самая жестокость наказаній уже показываетъ, насколько табакъ былъ соблазнителенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на Амурѣ русскіе люди познакомились съ другимъ зельемъ, то-же проклятымъ, хотя гораздо слабѣе, чѣмъ табакъ. Менѣе проклятое зелье былъ самый невиннѣйшій изъ всѣхъ напитковъ—чай, который, впрочемъ, входилъ въ употребленіе и распространялся крайне медленно и потому тогда не могъ служить такой приманкою, какъ табакъ и водка.

Первыя свѣдѣнія или, точнѣе, слухи о новой великой рѣкѣ, еще не имѣвшей настоящаго названія, доставилъ томскій казакъ Иванъ Москвитинъ, отправленный, въ 1639 году, съ 12 красноярскими казаками съ р. Лены къ востоку для развѣдокъ. Москвитинъ поднялся по правому притоку Лены—Алдану, а потомъ—гдѣ рѣками, а гдѣ и сухопутьемъ—дошелъ до той части Восточнаго океана, которая теперь извѣстна подъ именемъ Охотскаго моря.

Тогдашній якутскій голова, стольникъ Петръ Петровичъ Головинъ, побуждаемый настоятельными просьбами многихъ, желавшихъ попытать счастья въ новой невѣдомой странѣ, сулившей такія богатства и выгоды, разрѣшилъ письменному головѣ Василию Пояркову отправиться въ походъ съ охочими людьми. Такихъ людей, желавшихъ идти съ Поярковымъ, набралось такъ много, что инымъ пришлось отказывать. Набрались по тогдашнему времени *силы* въ 132 человекъ! И дѣйствительно, для людей, имѣвшихъ за обычай самъ-шесть покорять цѣлыя племена и завоевывать обширныя области, отрядъ въ 132 человекъ могъ казаться большою силою.

Отправившись по назначенію, Поярковъ безпрепятственно достигъ до большой рѣки, встрѣчая на своемъ пути только бродячихъ инородцевъ тунгусскаго племени; по рѣкѣ же далѣе оказались осѣдлые дауры, занимавшіеся земледѣліемъ и ското-

водствомъ. Пришельцевъ повсемѣстно принимали ласково и охотно снабжали съѣстными припасами безвозмездно. Даурскіе старшины и князьки выходили на встрѣчу съ подарками. На разспросы о серебрѣ, жители повсюду отвѣчали, что такого металла у нихъ нѣтъ, и если страна считается богатою, то это только по изобилію въ хлѣбныхъ растеніяхъ разнаго рода.

Занявъ какое-то прибрежное селеніе, Поярковъ послалъ впередъ 50 человѣкъ своихъ подчиненныхъ въ даурскій городъ Молдишканъ. Русскихъ тамъ встрѣтили дружески и какъ нельзя лучше, но они своею наглостью, жадностью и безчинствами дотога раздражили своихъ привѣтливыхъ и радушныхъ хозяевъ, что тѣ подняли оружіе. Произошла схватка, въ которой было 10 русскихъ убито и втрое больше ранено. Уцѣлѣвшіе съ большимъ трудомъ и кое-какъ добрались до своего начальника. Желая поправить дѣло, Поярковъ пошелъ самъ; но, разъ возникшія, враждебныя отношенія не прекращались. Жители или уходили, или упорно оборонялись. О прежнемъ гостепріимствѣ не было и помина. Спустившись по Большой рѣкѣ, названной русскими, какъ уже было выше сказано, Амуромъ, Поярковъ дошелъ до праваго притока этой рѣки, извѣстнаго у мѣстныхъ обитателей подъ именемъ Уссури. Всѣ прибрежныя по среднему теченію Амура поля были отлично обработаны и покрыты хлѣбными растеніями и превосходными овощами. Отъ устья Уссури, внизъ по Амуру, до впаденія этой рѣки въ море, Поярковъ отправилъ 25 человѣкъ; но изъ нихъ возвратилось только двое и то далеко не дошедшихъ до мѣста своего назначенія; остальныхъ побили дауры. Послѣ этого грустнаго событія, Поярковъ снова отправился самъ лично и благополучно довелъ свой отрядъ до моря. Бѣдное и безоруженное племя гилаковъ не оказывало никакого сопротивленія.

Лѣтомъ 1643 года Поярковъ, потерявъ половину своего

отряда, возвратился въ Якутскъ. Тамъ, подтверждая несомнѣнный богатство и изобиліе страны, письменный голова говорилъ о возможности присоединить всю при-амурскую область къ русскимъ владѣніямъ, для чего, по его мнѣнію, было бы достаточно 300 вооруженныхъ казаковъ, съ приличнымъ количествомъ свинца и пороха.

Возвращеніе Пояркова съ богатою и разнообразною добычею и вмѣстѣ съ тѣмъ потерявшаго половину людей, но не отъ голода, холода и скорбута (цынги), къ чему уже давнымъ-давно привыкли и признавали въ томъ Божью волю, и особенности мѣстности, а отъ непріятельскаго оружія, произвело сильное и непріятное впечатлѣніе. Въ разсказахъ, какъ это всегда случалось и случается, сильно преувеличивали богатства и удобства новой страны, но за то слухи объ опасностяхъ возростали до невѣроятія и совершенной невозможности.

Предположенный Поярковымъ новый походъ на Амуръ легко могъ бы осуществиться, если бы у смѣлаго письменнаго головы не появился опасный соперникъ въ лицѣ бывшаго солдара, великоустюжскаго Ерофея Павловича Хабарова, бравшагося овладѣть всею Амурскою областью, не вводя правительство, или, какъ тогда говорили и писали, *Государеву казну*, ни въ какіе издержки и расходы. Даже за необходимыя для исполненія предпріятія свинець, порохъ и оружіе, Хабаровъ предложилъ собственныя деньги, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы ему платить по дѣйствительнымъ казеннымъ цѣнамъ. Единственная просьба къ начальству заключалась въ томъ, чтобы оно не препятствовало охочимъ служивымъ людямъ присоединяться къ хабаровской партіи. Легко могло стать, что исполненіе этой просьбы въ Якутскѣ могло бы затянуться по общему обычаю всѣхъ тогдашнихъ воеводскихъ приказовъ (канцелярій) надолго, пожалуй даже застрять на всегда, но, на

счастье Хабарова, вновь назначенный якутским воеводою Дмитрій Францбековъ, не доѣзжая до своего города, зазимовалъ въ Илимскѣ. Францбековъ разрѣшилъ немедленно, *безъ мотчанья и волокитья*, какъ писали и говорили подъячіе того времени.

Сборъ желающихъ начался, но шелъ очень неуспѣшно. Оказалось, что большая часть какъ промышленниковъ, такъ служилыхъ и охочихъ людей, до того были напуганы рассказами спутниковъ Пояркова, что многіе рѣшительно отказывались, даже самые смѣлые и отважные медлили, и только къ концу лѣта 1647 года Хабарову удалось составить партію въ 80 человекъ, вмѣсто 250 или 200. Предпріятіе казалось неосуществимымъ, но предводитель этой горсти людей думалъ иначе и направился въ мало-извѣстную, и къ тому же, какъ утверждали бывалые люди, опасную страну, и вдобавокъ, по новой, еще неизвѣданной дорогѣ. На р. Тугирѣ партіи пришлось провести тамошнюю лютую зиму, что для привычныхъ людей, и къ тому же въ лѣсистой мѣстности, не могло представиться особенно затруднительнымъ. На Тугирѣ былъ срубленъ городокъ и поставлены избы для жилья. Здѣсь Хабаровъ пробылъ до 12 января 1648. Во время зимовки труднѣе всего было переносить недостатки въ продовольствіи. Нужда доводила русскихъ людей до того, что они, по-тунгусски, ѣли бѣлокъ, что дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ только въ крайности *). Нѣсколько позже казаки приплыли прямо въ Амуръ, и поплыли по этой рѣкѣ. Первое даурское укрѣпленное селеніе, у котораго наши высадились, былъ извѣстный и знаменитый, въ послѣдствіи, Албазинъ. Жителей въ селеніи не было: они, безъ сомнѣнія, скрылись, узнавъ о скоромъ прибытіи непрощенныхъ и непріятныхъ гостей. Люди Пояркова не могли оставить послѣ себя

---

*) Всѣ наши лѣсные инородцы, крещеные и некрещеные,—охотно ѣдятъ бѣлокъ, но русскіе почему-то гнушаются.

доброй славы. Ниже Албазина, по теченію Амура, было встрѣчено еще четыре укрѣпленныхъ селенія, и всѣ точно такъ же безъ жителей, какъ и первое. Хабаровъ и его спутники въ оставленныхъ, и, какъ повсему было замѣтно, въ попыхахъ, жилищахъ, искали серебра, котораго, по слухамъ, на Амурѣ видимо-невидимо; но серебра нигдѣ не оказалось; за то было найдено что-то болѣе существенное и необходимое. Это были огромные запасы зерноваго хлѣба, который въ Дауріи имѣютъ обычай, точно такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ европейской Россіи, хранить въ ямахъ, нарочно для такого употребленія приготовленныхъ.

Въ оставленныхъ жителями укрѣпленныхъ селеніяхъ попало много лошадей, крупнаго и мелкаго рогатаго скота, свиней и домашней птицы.

Вотъ тогда-то, безъ сомнѣнія, разговѣлись въ-сласть невольные постники. А вдобавокъ тутъ же, подъ бокомъ рѣка, съ безчисленнымъ множествомъ рыбы, и какой еще рыбы! Напримѣръ въ Амурѣ ловится особый видъ осетра, прозванный нашими *калугою*, нерѣдко до 15 пудовъ вѣсомъ. А иной разъ приходитъ рыба *кета* (по-велико-русски лососина) такими табунами, что можно ловить едва не голыми руками. Въ сосѣднихъ и окрестныхъ мѣстахъ водилось много пушнаго звѣря.

Въ пятомъ, считая отъ Албазина, селеніи была найдена старая женщина, назвавшая себя сестрою князя Лавкая, первая вѣсти о которомъ были принесены еще ранѣе Пояркова. Ниже пятаго селенія явился и самъ Лавкай, съ небольшою свитою и всѣ верхами, на хорошихъ лошадяхъ.

— Чтѣ вы за люди? спросилъ Лавкай.

— Мы мирные промышленники, отвѣчали хабаровцы.

— Неправда. Вы пришли къ намъ съ тѣмъ, чтобы грабить и убивать, только мы не дадимся...

— Нѣтъ, мы ссоры и драки затѣвать не будемъ, а если вы насъ задѣнете, то получите сдачи, пожалуй даже съ придачею!

Послѣ этого разговора Лавкай и его свита ускакали. Наши стали-было ихъ преслѣдовать, но догнать не могли.

Оставивъ сестру Лавкай тамъ же, гдѣ ее взяли, Хабаровъ спокойно и безъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій возвратился въ Албазинъ.

Удостоверившись, что съ такимъ ничтожнымъ числомъ людей не только трудно, но рѣшительно невозможно предпринять что нибудь значительное, Хабаровъ, съ нѣсколькими спутниками, налегкѣ поспѣшилъ въ Якутскъ за подмогою. Конечно, онъ явился не съ пустыми руками. Всѣ же остальные сподвижники зазимовали въ Албазинѣ, укрѣпивъ его по своему. Впрочемъ, въ укрѣпленіи не оказалось никакой надобности: ихъ никто не тронулъ.

Ерофея Павловича въ Якутскѣ приняли хорошо. Самъ здоровъ и невредимъ, спутники то же цѣлы, и потому явились желающіе попытать и поискать счастья и удачи въ *дальнихъ Даурахъ*. Набралось охочихъ людей счетомъ 117 человекъ и 21 казакъ. Такимъ образомъ, считаясь оставшимся въ Албазинѣ, у Хабарова въ отрядѣ оказалось болѣе 200 человекъ, достаточная, по его убѣжденію, сила для покоренія и удержанія въ русской власти всего Амура, до самого моря-океана. Вновь набранные люди вмѣстѣ со своимъ предводителемъ дошли до Албазина осенью 1650 года. Здѣсь всѣ перезимовали и слѣдующею весною выступили въ походъ, т. е. поплыли по Амуру. Пройдя довольно далеко безпрепятственно, на лѣвомъ берегу рѣки наши встрѣтили еще невиданное ими, сильное даурское укрѣпленіе, состоявшее изъ трехъ, взаимно-соединенныхъ отдѣльныхъ фортовъ. На требованіе немедленной сдачи, дауры отвѣчали стрѣлами. Тогда Хабаровъ приступилъ къ осадѣ. Въ укрѣпленіи находился, кромѣ вооруженныхъ дауровъ, неболь-

шой маньджурскій отрядъ, вначалѣ принимавшій участіе въ оборонѣ. Впрочемъ маньджуры скоро оставили укрѣпленіе и вышли въ поле, предоставивъ даурамъ распоряжаться самимъ, какъ знаютъ и какъ умѣютъ. Наши маньджуровъ не тронули. Дауры продолжали пускать въ нашихъ удалцовъ такую массу стрѣлъ, что все пространство передъ укрѣпленіемъ имѣло видъ запыленного поля.

Возвращаясь изъ Якутска въ Албазинъ, Хабаровъ привезъ три орудія, при помощи которыхъ всѣ форты вскорѣ были взяты, одинъ за другимъ. Болѣе 600 даурскихъ труповъ служили яснымъ доказательствомъ стойкости непріятеля. Съ нашей стороны было убито 4 и 45 человекъ ранено. Въ ямахъ занятыхъ укрѣпленій было найдено много дѣтей, женщинъ и домашнихъ животныхъ. Здѣсь же промышленники добывали нѣсколько серебра, золота и разныхъ, никогда невиданныхъ ими прежде китайскихъ издѣлій и товаровъ.

По словамъ взятыхъ въ плѣнъ дауровъ, маньджурскій отрядъ находился въ укрѣпленіи только временно, прибывъ съ праваго берега рѣки для сбора дани. Вскорѣ къ Хабарову явился одинъ изъ маньджурскихъ начальниковъ, но, по незнанію языка и неимѣнію переводчика, все, что онъ говорилъ, или о чемъ просилъ, или чего хотѣлъ, — осталось неизвѣстнымъ. Пробывъ 6 недѣль въ занятomъ укрѣпленіи, Хабаровъ снова поплылъ внизъ по Амуру. Вблизи лѣваго большаго притока Амура, р. Зеи, встрѣтился большой и богатый даурскій городъ, занятый послѣ незначительнаго сопротивленія.

Дауры покорились, дали присягу на вѣрность и подданство Московскому Государю и обязались платить дань. Вначалѣ все шло отлично, но вдругъ, въ одну ночь всѣ дауры скрылись, безъ сомнѣнія, по приказанію китайскаго начальства.

На возвратномъ пути Хабаровъ зимовалъ, не доходя Алба-

зина. Зимою племена дучеровъ и ачанцевъ, съ которыми русскіе до тѣхъ поръ жили въ ладу, сдѣлали, вѣроятно по внушенію китайцевъ, нечаянное измѣнническое нападеніе, но были отбиты. Разсвирѣпѣвшіе хабаровцы жестоко отомстили предателямъ: дучеры и ачанцы были истреблены почти поголовно, при чемъ не щадили ни полъ, ни возрастъ. Уцѣлѣли одни только успѣвшіе скрыться бѣгствомъ. Послѣ кровавой расправы до весны 1652 г. все прошло спокойно; въ это же время, какъ Хабаровъ, такъ и его спутники, были изумлены и поражены раздавшимися вблизи, на правомъ берегу, пушечными выстрѣлами. До сихъ поръ наши только слышали, что будто бы огнестрѣльное оружіе давно и хорошо извѣстно маньджурамъ, а теперь пришлось убѣдиться во-очію въ дѣйствительности этихъ слуховъ, казавшихся многимъ сомнительными.

У русскаго укрѣпленія, построеннаго кое-какъ и вооруженнаго только тремя небольшими орудіями (перевозка большихъ изъ Якутска на Амуръ, тяжелая и теперь, тогда была совершенно немислима), явился сильный маньжурскій отрядъ и потребовалъ немедленной, безусловной сдачи. Хабаровъ вмѣсто отвѣта открылъ огонь. Маньджуры пошли на приступъ, но были отбиты. Многочисленнаго непріятеля, только, кажется, всего болѣе стѣсняло слѣдующее приказаніе китайскаго императора (богдыхана): «стараться всѣми мѣрами захватить русскихъ живьемъ». Послѣ удачно отбитаго приступа, хабаровцы дерзнули сдѣлать вылазку, которая тоже удалась какъ нельзя болѣе. Маньджуры ушли, оставивши въ нашихъ рукахъ болѣе 700 труповъ и всю свою артиллерію. Одно изъ самыхъ большекалиберныхъ китайскихъ орудій, къ общему удивленію, оказалось глинянымъ. Русскіе, въ дѣлахъ съ маньджурами, потеряли 10 человѣкъ убитыми и 78 ранеными.

Побѣда съ нашей стороны была полная и рѣшительная.

Множество маньджуровъ очутились въ плѣну. При этомъ обстоятельствѣ Хабаровъ поступилъ, вопреки обычаевъ того времени, бывшихъ въ употребленіи даже въ образованныхъ государствахъ, гдѣ плѣнныхъ или убивали поголовно, или насильно ставили въ свои ряды, или употребляли на самыя тяжкія работы, если же отпускали, то не иначе какъ за выкупъ. Ерофей Павловичъ отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ даромъ, не лишая ихъ ни имущества, ни ручнаго оружія. Онъ ясно понялъ, что ему придется имѣть дѣло не съ безсильными тунгусскими и даурскими племенами, а съ огромнымъ государствомъ.

Вскорѣ послѣ побѣды Хабаровъ возвратился въ Албазинъ, не подвергаясь никакимъ нападеніямъ. Въ Албазинѣ, къ общему восхищенію всего отряда, узнали о пришедшей подмогѣ въ 144 человѣка, подъ начальствомъ казака Третьяка Чечигина. Чечигинъ, давно уже пришедшій въ Албазинъ, не имѣлъ о Хабаровѣ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Бродячіе инородцы, изрѣдка встрѣчавшіеся съ казаками въ Албазинѣ и его окрестностяхъ, показывали различно. По словамъ однихъ, Хабаровъ ушелъ къ морю и тамъ вѣроятно остался. Другіе утверждали, что всѣ русскіе поголовно истреблены маньджурами. Желая узнать что нибудь повѣрнѣе, Чечигинъ, еще въ маѣ, послалъ внизъ по Амуру 20 человѣкъ, подъ начальствомъ казака Нагибы; но посланные на пути разбѣхались съ Хабаровымъ, что, принимая во вниманіе ширину рѣки, имѣющей множество острововъ и протоковъ, въ особенности при весеннемъ половодьи, было весьма возможно и легко.

Изъ Албазина Хабаровъ спустился до устья р. Зеи (здѣсь въ настоящее время, не вдалекѣ, губернской городъ Амурской области Благовѣщенскъ), гдѣ у него вышелъ большой разладъ между подчиненными. Одни хотѣли плыть далѣе внизъ по морю, другіе, и въ томъ числѣ самъ Хабаровъ, остаться на мѣстѣ.

Несогласіе дошло до того, что грозило страшнымъ дѣломъ—междоусобицею. Не желая дать повода къ гибельному братоубійству, Ерофей Павловичъ предложилъ людямъ раздѣлиться полюбовно. Такъ и сдѣлали: одни, въ числѣ 136 человекъ, настояли на своемъ и поплыли къ низу, прочіе остались съ Хабаровымъ. Первые погибли все безъ исключенія, по крайней мѣрѣ о нихъ ни слуха, ни духа не было никогда. Считая свое положеніе въ при-амурской сторонѣ довольно упроченнымъ, Ерофей Павловичъ отправилъ въ Якутскъ маленькій отрядъ, или, какъ говорили тогда, *станицу*, съ богатыми подарками и большимъ количествомъ ясака, т. е. пушнаго товара, собраннаго «на государя». Нѣсколькихъ человекъ изъ этой станицы якутскій воевода послалъ въ Москву, съ радостнымъ извѣстіемъ о приобрѣтеніи такой громадной богатой страны, какъ при-амурская Даурія. Въ Москвѣ это извѣстіе было принято съ восторгомъ. Хабарову и наиболѣе отличившимся его сподвижникамъ были пожалованы награды. Во вновь завоеванную область былъ назначенъ главнымъ намѣстникомъ окольничій князь Лобановъ-Ростовскій. Тогда же было предположено собрать 3,000 войска, съ нужнымъ числомъ артиллерійскихъ орудій и большими запасами свинца и пороха. Для подготовки какъ боевыхъ силъ, такъ и военныхъ принадлежностей, былъ посланъ въ Якутскъ дворянинъ Дмитрій Зиновьевъ, снабженный особыми правами и полномочіями.

Пока амурскіе посланцы ѣхали изъ Албазина въ Якутскъ, а потомъ изъ Якутска въ Москву; пока были обдуманы и сдѣланы нужныя распоряженія, да пока московскій дворянинъ прибылъ на мѣсто,—прошло не мало времени. Но оно у Ерофея Павловича не пропало даромъ. Онъ заложилъ и построилъ большое и, принимая въ соображеніе мѣстныя условія, довольно сильное укрѣпленіе, получившее названіе Комарскаго Острога.

Хабаровское посольство въ Москву, блестящее шелками, серебромъ и золотомъ, въ богатѣйшихъ собольихъ шубахъ, производило сильное впечатлѣніе по всей длинной сибирской дорогѣ. Число желающихъ направиться въ новую обѣтованную землю возросло до того, что многіе воеводы стали подавать жалобы и задерживать желающихъ. Изъ донесеній нѣкоторыхъ воеводъ можно было видѣть, что они опасались остаться безъ *подчиненныхъ* людей, а въ такомъ случаѣ какой толкъ и какая надобность и корысть воеводствовать. Движеніе было въ особенности сильно по Ленѣ и въ Ишимскомъ округѣ, гдѣ были устроены даже особыя заставы, для задержки всѣхъ имѣвшихъ намѣреніе переселиться безъ дозволенія начальства.

Наконецъ въ Комарскій Острогъ прибылъ Зиновьевъ, и вступилъ въ управленіе новою областью. Раздавъ Хабарову и наиболѣе отличившимся его сподвижникамъ золотыя медали, московскій дворянинъ, опасаясь вліянія Хабарова на казаковъ, охочихъ людей и приставшихъ къ русскимъ инородцевъ, послалъ на него въ Москву къ Лобанову-Ростовскому, жалобу, по которой Ерофея Павловича потребовали въ Москву, впрочемъ, вмѣстѣ съ самимъ жалобщикомъ—Зиновьевымъ.

Богъ знаетъ, чтó думалось и приходило въ голову Ерофея Павловича во время долгаго по времени и длиннаго по разстоянію пути отъ Комарскаго Острога до царствующаго града Москвы.

У Хабарова, сдѣлавшагося изъ начальниковъ почти подсудимымъ, была только одна надежда на спасеніе и правду—«надежда-Государь». Дѣйствительно, умный, кроткій царь Алексѣй Михайловичъ принялъ и выслушалъ завоевателя Даурія милостиво и внимательно, оцѣнилъ заслуги, одобрилъ распоряженія и пожаловалъ герою званіе «боярскаго сына», а вскорѣ новопожалованный боярскій сынъ былъ назначенъ Государевымъ приказчикомъ въ Сибирь. Эта должность считалась значительною,

выгодно и прибыльно. Въ ней выражалось даже особое довѣріе Государя къ личности назначаемого. Но по какой-то непонятной причинѣ, всего вѣроятнѣе по проискамъ Зиновьева, при содѣйствіи подъячихъ, Хабарову пришлось отправиться не на Амуръ въ Даурію, гдѣ онъ былъ незамѣнимъ и чего желалъ искренне, а на Лену.

Отсутствіе Хабарова на Амуръ почувствовалось, къ сожалѣнію, довольно скоро.

Назначенный Зиновьевымъ преемникъ Хабарова, казакъ Онуфрій Степановичъ, какъ оказалось во многомъ, былъ человѣкъ умный, толковый и дѣльный. Онъ отлично зналъ край и очень можетъ быть, что успѣшно начатое Хабаровымъ продолжилось бы и Степановымъ, если бы не случилось одного, повидимому мелочнаго, обстоятельства, разстроившаго и испортившаго все дѣло. Обстоятельство это состояло въ слѣдующемъ.

Зиновьевъ, уѣзжая, приказалъ Степанову весь собранный ясакъ изъ Комарскаго Острога и Албазина, не посылая, какъ это дѣлалось въ прежніе годы, въ Якутскъ, отправить отъ своего имени прямо къ Государю въ Москву. Казалось, что въ подобномъ распоряженіи не было ничего преступнаго, а напротивъ сокращался путь болѣе чѣмъ на двѣ тысячи верстъ, слѣдовательно значительно сокращалось время доставки дорого стоящихъ собольихъ и чернобурыхъ лисьихъ мѣховъ; но вышло, какъ увидимъ ниже, совершенно иначе.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Зиновьева изъ Хабарова, на Комарской Острогъ сдѣлали нечаянное нападеніе маньчжурскія, т. е. китайскія войска въ большой силѣ, подѣ начальствомъ множества мандариновъ разныхъ чиновъ. Наши побили эту рать жесточайшимъ образомъ и получили огромную военную добычу, отпустивъ, послѣ побѣды, слѣдуя примѣру Хабарова, всѣхъ плѣнныхъ, безъ выкупа. Сборъ ясака въ этомъ году былъ

превосходный, и Степановъ, какъ исправный и точный исполнитель приказаній московскаго дворянина, своего старшаго и непосредственнаго начальника, отправилъ богатѣйшій ясакъ прямо въ Москву. Исправно и успѣшно окончивъ свое дѣло, Степановъ, безъ сомнѣнія, ожидалъ награды; но якутскій воевода взглянулъ на поступокъ Степанова другими глазами. Онъ видѣлъ въ отправкѣ мѣховъ въ Москву, минуя Якутскъ, прямое неповиновеніе его воеводской власти, явное ослушаніе, даже измѣну. По личному мнѣнію воеводы, ни на чемъ впрочемъ не основанному, весь вновь присоединенный край уже стоялъ въ его непосредственномъ вѣдѣніи. Въ видѣ наказанія ослушниковъ, всѣмъ живущимъ въ Якутскѣ и вообще по Ленѣ, было строго-на-строго приказано прекратить всякія сношенія съ отрядомъ Степанова, остановить доставку оружія свинца и пороха. Всѣ просьбы Степанова не только оставались безъ отвѣта, но даже посланцевъ задерживали, какъ виновныхъ. Въ довершеніе всего, на р. Олекмѣ, по которой приходили на Амуръ охочіе люди, постоянно пополнявшіе неизбѣжную убыль въ рядахъ ратниковъ, была поставлена крѣпкая застава, съ сильнымъ карауломъ, не пропускавшимъ ни въ Албазинъ, ни изъ Албазина.

Положеніе Степанова сдѣлалось затруднительнымъ въ высшей степени. Находясь въ крайности, онъ рѣшился отправить китайцамъ посольство, подъ начальствомъ Третьяка Чечигина, не зная того, что въ Китаѣ уважается и цѣнится только одна сила. Китайцы не только не приняли Чечигина, но даже, въ противность всѣхъ правъ, законовъ и обычаевъ, умертвили его вмѣстѣ со всѣми бывшими съ нимъ спутниками. Такой звѣрскій и отвратительный поступокъ, конечно, требовалъ скорago и грознаго отмщенія, но Степанову пришлось терпѣть поневолю: подняться не съ чѣмъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ составленіе 3-хъ тысячнаго отряда

и отправленіе князя Лобанова-Ростовскаго сперва замедлялось и затягивалось, а потомъ и совершенно остановилось. Тогдашніе московскіе политики, имѣя слишкомъ преувеличенныя понятія о могуществѣ и силахъ Китая, опасались накликать на себя такого страшнаго врага.

Когда Хабаровъ ѣхалъ въ Москву, съ нимъ находилось нѣсколько человѣкъ изъ мѣстныхъ при-амурскихъ жителей, какъ осѣдлыхъ, такъ и бродячихъ племенъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, отпуская всѣхъ этихъ инородцевъ въ свою сторону, сказалъ слѣдующія многозначительныя слова, ясно обрисовывающія государя, истиннаго христіанина: *«Амурскихъ народовъ отнюдь не принуждать ко крещенію»*.

Какъ ни были медленны и затруднительны сообщенія Сибири съ Москвою, но хотя и не скоро, до столицы дошли свѣдѣнія о бессмысленныхъ продѣлкахъ якутскаго воеводы. Ему былъ сдѣланъ строжайшій выговоръ, что «онъ поступилъ дуростно и негораздо», и тогда же приказано отправлять всѣ нужные запасы, какъ боевые, такъ и продовольственныя, по требованіямъ немедленно и дозволить желающимъ идти на Амуръ безпрепятственно. Вотъ тогда-то вспомнили о свинцѣ, порохѣи оружіи, зарытомъ, по распоряженію Зиновьева, въ Тугирскомъ Острогѣ. По этому случаю имя Хабарова еще, и уже въ послѣдній разъ, упоминается въ сибирской исторіи. Это было уже въ 1660 году. Хабаровъ долженъ былъ указать мѣсто, гдѣ было закопано оружіе и огнестрѣльный припасъ. Но по прибытіи въ Тугирскій Острогъ оказалось, что все спрятанное уже вынуто года за два ранѣе, какимъ-то удалцомъ изъ охочихъ людей, Сорокинымъ, на свой страхъ и на свою отвѣтственность пробравшимся на Амуръ, а тамъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сложившимъ голову, такъ какъ ни о самомъ Сорокинѣ, ни о его сподвижникахъ никакихъ извѣстій и слуховъ никогда болѣе не было.

О послѣдующей дѣятельности, мѣстѣ и времени кончины Ерофея Павловича Хабарова не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

Между тѣмъ китайцы, терпя постоянныя неудачи и пораженія, придумали новую, по ихъ соображеніямъ, самую дѣйствительную мѣру. Предполагая, что русскіе умѣютъ только воевать и совершенно не знакомы съ земледѣліемъ, китайцы заставили силою всѣхъ осѣдлыхъ жителей лѣваго берега Амура переселиться на правый. Но китайскія предположенія оказались неосновательными: русскіе ратные люди, безъ малѣйшаго затрудненія, обратились въ превосходныхъ пахарей. Албазинцамъ жилось привольно, боевые припасы имѣлись въ изобиліи, о съѣстномъ и говорить нечего; но самый важный и даже опасный недостатокъ былъ—въ людяхъ. Изъ Якутска и съ Лены являлись, но уже немногіе. Прежняя горячка прошла. Вдругъ въ Албазинѣ число жителей сразу болѣе чѣмъ удвоилось, но не только незаконнымъ, а просто преступнымъ образомъ. Какой-то ссыльный полякъ или литвинъ, Михаилъ Черниговскій, бѣжалъ изъ Ишимскаго укрѣпленія, вмѣстѣ со многолюдною толпою всякаго сброда, которому терять было нечего. Черниговскій, передѣлавъ укрѣпленія Албазина по своему, сталъ дѣйствовать противъ китайцевъ смѣло, рѣшительно и, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ схватокъ, Черниговскій сталъ просить у правительства помилованія, и скоро получилъ его. Московскіе политики того времени, совершенно не зная китайцевъ, рѣшили завести съ ними переговоры. Для этого былъ присланъ грекъ Спафирій; но китайцы предъявили такія непомѣрныя требованія и съ такою хвастливою заносчивостью и угрозами, что русскому уполномоченному пришлось возвратиться ни съ чѣмъ. Переговоры были прерваны.

Съ 1683 года китайцы стали приготовляться къ осадѣ

Албазина. Узнавъ объ этомъ, нерчинскій воевода Власовъ послалъ на Амуръ надежнаго служилаго человѣка, Алексѣя Толбузина, и обѣщалъ выслать ему людей на подмогу. Лѣтомъ 1685 года, китайцы въ числѣ 15,000 съ 150 орудіями, переправились на лѣвый берегъ Амура и осадили Албазинъ, въ которомъ находилось только 450 русскихъ, при 9 пушкахъ.

Вначалѣ китайскій начальникъ потребовалъ безусловной сдачи укрѣпленія со всѣми людьми, и, какъ слѣдуетъ, получилъ ясный и короткій отказъ. Тогда китайцы открыли огонь изъ всѣхъ орудій. Пороху не жалѣли. Но Толбузинъ рѣшился держаться до послѣдней крайности. Всего болѣе онъ рассчитывалъ на присылку изъ Нерчинска обѣщанной помощи, но ея почему-то не было. Китайскій огонь въ первые дни осады былъ до того силенъ, что наши имѣли до ста человѣкъ убиты, къ тому же деревянныя стѣны (тыны) и постройки сгорѣли. Наконецъ явился недостатокъ въ свинцѣ и порохѣ. И вотъ только тогда всѣ уцѣлѣвшіе стали просить Толбузина начать переговоры, съ неперемѣннымъ условіемъ свободного пропуска въ Нерчинскъ. Китайцы немедленно прекратили огонь и стали уговаривать нашихъ поголовно переселиться въ Китай, при чемъ клятвенно обѣщали всѣ возможные льготы, удобства и выгоды. Но изъ всѣхъ русскихъ, бывшихъ въ Албазинѣ, только 25, соблазненные предложеніями непріятеля, переселились въ Китай, гдѣ они и были водворены въ тамошней столицѣ Пекинѣ. Потомки ихъ существуютъ и теперь подъ названіемъ «албазинцевъ». Они сохранили одно только православіе, а по языку, одеждѣ, нравамъ и обычаямъ давно уже сдѣлались совершенными китайцами.

Остальные русскіе, подъ начальствомъ Толбузина, двинулись къ Нерчинску. Китайцы у нихъ забрали все оружіе,

оставили только необходимое платье и съѣстные припасы, по расчету въ обрѣзъ на весь путь до Нерчинска.

Нерчинскій воевода, стольникъ Власовъ, признавая себя неправымъ за невысылку помощи Толбузину, рѣшился занять разоренный Албазинъ вторично, что казалось возможнымъ потому, что китайцы, уничтожая всѣ русскія постройки, оставили нетронутыми поля, засѣянные хлѣбомъ. Пошелъ тотъ же Толбузинъ съ 200 служилыхъ людей, но къ этому отряду присоединились почти всѣ пришедшіе изъ Албазина. Образовалась цѣлая рать въ 650 человекъ.

По приходѣ на мѣсто, Толбузинъ прежде всего занялся уборкою хлѣба, а потомъ, приступилъ къ постройкѣ землянаго укрѣпленія, испытавъ на дѣлѣ неудобства деревяннаго. Немного спустя явились китайцы въ числѣ 7,000 человекъ, при 40 орудіяхъ, и пошли на приступъ, но были отбиты съ огромнымъ урономъ. Осада затянулась и превратилась въ блокаду. Между осажденными явились разныя болѣзни и, между прочимъ, цынга. Къ довершенію несчастія, храбрый и умный Толбузинъ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Его мѣсто заступилъ Бейтонъ *), продолжавшій держаться и обороняться по-прежнему. Число оборонявшихся быстро уменьшалось, но не отъ китайскаго оружія, а отъ цынги и другихъ болѣзней. Въ живыхъ оставалось не болѣе 150 человекъ. Китайскій военачальникъ, желавшій довести нашихъ до сдачи голодомъ, въ видахъ какой-то неожиданной любезности, предложилъ Бейтону своихъ врачей и лекарствъ. Но Бейтонъ только поблагодарилъ за предложеніе, и, чтобы показать, какъ мало русскіе нуждаются въ продовольствіи, послалъ китайскому предводителю, въ видѣ подарка, пирогъ въ пудъ вѣсомъ.

*) Потомки этого Бейтона живутъ до сихъ поръ въ Восточной Сибири и носятъ фамилію Бейтоновыхъ.

Вскорѣ послѣ этого китайцы сняли осаду, увѣдомивъ Бейтона, что московскій государь прислалъ своихъ пословъ для заключенія мирнаго договора съ ихъ богдыханомъ. Слѣдовательно воевать уже нѣтъ надобности. Китайцы ушли, а русскіе остались въ Албазинѣ.

Дѣйствительно, въ Москвѣ составили, по волѣ правительницы царевны Софіи, а еще болѣе по желанію князя Василя Васильевича Голицына, большое посольство, подъ начальствомъ окольничаго Ѳедора Алексѣевича Головина, родственника Голицына.

Головинъ заключилъ 29 августа 1689 года нерчинскій трактатъ, по которому начальною чертою границы положена р. Горбица (притокъ р. Шилки, близъ соединенія послѣдней съ р. Аргунь) и горный хребетъ отъ ея верховья до р. Уды. Далѣе р. Аргунь отъ устья до верховья должна была раздѣлять оба государства такъ, чтобы сѣверный берегъ (лѣвый по теченію), считался русскимъ, а южный (правый) — китайскимъ.

Такимъ образомъ, однимъ почеркомъ пера были надолго уничтожены всѣ русскія права на Амуръ, пріобрѣтенныя дорогою цѣною крови.

Всѣ русскія постройки по Амуру, вмѣстѣ съ Албазинымъ, были тогда же уничтожены китайцами, оставившими весь лѣвый берегъ безъ осѣдлыхъ жителей.

Ровно 168 лѣтъ 8 мѣсяцевъ и 17 дней Амуръ для Россіи оставался чужою рѣкою. Наконецъ, 16 мая 1858 года, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, трактатомъ, заключеннымъ въ китайскомъ городѣ Айгунѣ, возвратилъ русскому государству его древнее достояніе. Всѣ земли по лѣвому берегу Амура отъ верховья до устья р. Уссури, а отъ устья по обоимъ берегамъ — навсегда присоединены къ Россіи. Это пріобрѣтеніе было сдѣлано безъ пролитія капли крови.

Генераль Муравьевъ—за этотъ подвигъ, былъ возведенъ Государемъ Императоромъ въ графское достоинство, съ прибавленіемъ названія Амурскаго.

Заслуги Хабарова потомство почтило, назвавши *Хабаровкою* одно изъ самыхъ большихъ поселеній на Амурѣ, при впаденіи въ него р. Уссури.

II.

СЕМЕНЪ ДЕЖНЕВЪ.

Вполнѣ заслуженную, почетную историческую извѣстность Семена Дежнева можно назвать случайною, такъ какъ ни онъ самъ, ни его современники, ни даже ближайшіе ихъ потомки не знали, не вѣдали и не умѣли цѣнить важнаго открытія, сдѣланнаго простымъ казакомъ. Не дошло бы оно и до потомства, а слѣдовательно и до исторіи, безъ случайной находки, сдѣланной ученымъ академикомъ Миллеромъ въ заброшенномъ архивѣ г. Якутска. Подлинное донесеніе Дежнева, этотъ документъ первостепенной научной важности, сгнилъ бы тамъ наряду со многими нужными и ненужными бумагами.

Въ 1636 году, слѣдовательно за нѣсколько и даже весьма немного лѣтъ до первыхъ слуховъ объ Амурѣ, якутскіе казаки и охочіе люди спустились по Ленѣ до самаго Сѣвернаго океана, прозваннаго ими Студенымъ или Ледовитымъ моремъ. Въ эту суровую и негостепріимную даль промышленниковъ манилъ не соболю и вообще цѣнныя пушнины, а новый, до тѣхъ поръ незнакомый предметъ, клыки ископаемыхъ, допотопныхъ сло-

новъ, названныхъ мамонтами, и зубы (точнѣ бивни) морскихъ звѣрей, именуемыхъ моржами. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, въ какомъ количествѣ собираютъ по побережью Ледовитаго моря, въ особенности при устьяхъ рѣкъ, мамонтовые клыки, довольно сгззатъ, что, со времени открытія до сихъ поръ, ихъ поступаетъ ежегодно въ продажу не менѣе *тысячи* пудовъ. Относительно же моржей можно замѣтить, что этого звѣря стало гораздо менѣе, сравнительно съ прежнимъ, и звѣрь сдѣлался осторожнѣе и пугливѣе.

Дойдя до моря, казаки пытались плавать на западъ, и, сколько извѣстно, инымъ удавалось добраться до устьевъ Енисея. Попытки же плыть къ востоку сопровождались постоянными неудачами. Послѣ того удалыцы направились къ востоку прежнимъ привычнымъ путемъ, *горю*, какъ выражались они, т. е. берегомъ. Такимъ образомъ дошли съ Лены до другой большой рѣки, Яны. Съ Яны добрались до р. Индигирки, потомъ до р. Алазеи и наконецъ до р. Колымы. Всѣ эти рѣки впадаютъ въ то же Студеное море, и въ устьяхъ ихъ всюду находили и мамонтовые клыки, и добывали моржевые зубы. На Колымѣ отъ бродячихъ, въ самомъ незначительномъ количествѣ, инородцевъ были получены свѣдѣнія о какой-то новой большой рѣкѣ, тоже впадающей въ море. Рѣку эту называли Анадырьей, или, какъ писали тогда, Аниндыремъ.

Первые слухи объ Анадыри принесла партія промышленниковъ, находившаяся подъ начальствомъ какого-то мезенскаго посадскаго Игнатьева, спустившагося по Колымѣ до самаго устья и потомъ направившагося по морю къ востоку, гдѣ, въ одномъ изъ небольшихъ заливовъ, Игнатьевъ встрѣтился съ воинственнымъ племенемъ чукчей. Впрочемъ, встрѣчи были вполне мирныя, и промышленники выгодно сбыли свои товары на моржевые зубы. Партія успѣла тѣмъ же лѣтомъ возвратиться

на Колыму съ богатою добычею. Слухи объ Анадыри, какъ это случается почти всегда, были преувеличенные. Охотниковъ попытать счастья явилось довольно много, и вотъ одинъ изъ нихъ, холмогорскій уроженецъ Ѳедотъ Алексѣевъ, обратился къ государеву приказчику на Колымѣ, съ предложеніемъ составить партію для отысканія Анадыри морскимъ путемъ. По обыкновенію «кликнули кличъ», и въ числѣ явившихся оказался казакъ Семенъ Дежневъ, принявшій на себя обязанность начальствовать всею партіею. Дежневъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхъ своего предпріятія, что обязался непременно доставить въ казну однихъ соболей *семь сороковъ* и звѣриныя зубы, сколько добудетъ. Государевъ приказчикъ тогда же снабдилъ смѣлаго казака *наказною памятью*, какъ тогда называли нынѣшнія инструкціи.

Въ іюнѣ 1647 года четыре кое-какихъ судна, по тамошнему *кочи*, плохой постройки и съ такою же оснасткою, безъ картъ и плановъ съ самодѣльными матками (компасами), вышли въ море, но встрѣтили близъ самаго устья непроходимый сплошной ледъ, и были принуждены возвратиться съ пустыми руками. Замѣчательно, что эти неудачи не только не охладили желанія искать Анадырь, но даже увеличили число желающихъ, и къ слѣдующему 1648 году было снаряжено уже не четыре, а семь судовъ—три казачьихъ и четыре вольныхъ. Первыми начальствовали Семенъ Дежневъ и Герасимъ Ангудиновъ, а послѣдними самъ изобрѣтатель предложенія Ѳедотъ Алексѣевъ. 20 іюня суда изъ устья Колымы вошли въ море и были настолько счастливы, что, безъ особенныхъ препятствій и затрудненій, имъ удалось обогнуть Чукотскій носъ, слѣдовательно изъ Сѣвернаго океана проплыть въ Восточный—подвигъ, постоянно никому не удававшійся до 1879 года, когда финляндскій уроженецъ Норденшильдъ, на шведскомъ пароходѣ Вега,

перезимовавъ во льдахъ Сѣвернаго океана, вблизи Чукотской земли, спустился до Японіи, для возвращенія въ Швецію. Норденшильдъ вполнѣ подтвердилъ показаніе Дежнева, по словамъ котораго Чукотскій носъ состоитъ изъ каменныхъ массъ, далеко выдавшихся въ море и потомъ круто и кругомъ поворотившихся къ полудню (къ югу). Вблизи носа Дежневъ замѣтилъ два острова, населенные чукчами, имѣвшими обыкновеніе прорѣзывать щеки и вставлять въ сдѣланныя скважины кусочки моржевого зуба.

Этотъ странный и, по нашимъ понятіямъ, нелѣпый обычай нѣкоторыя чукотскія племена сохраняютъ и до сихъ поръ. Такое, повидимому, незначительное обстоятельство выказываетъ точность наблюденій Дежнева. Тамъ же онъ замѣтилъ чукотское укрѣпленіе съ башнею, построенною изъ китовыхъ усовъ, имѣющихъ цѣнность въ торговлѣ.

Когда кочи очутились въ Восточномъ океанѣ, счастье, до тѣхъ поръ имъ благопріятствовавшее, быстро измѣнилось. Началась сильная буря, во время которой разбило кочь Анкудинова, но люди спаслись и перебрались на кочь Дежнева. Самъ же Анкудиновъ пристроился къ Алексѣеву. Буря продолжалась, и сильный сѣверный вѣтеръ, разбросавшій всѣ суда, понесъ Дежнева куда-то въ невѣдомую сторону къ югу. Наконецъ, утлое судно прибило къ неизвѣстному пустынному, безлюдному и безлѣсному берегу. Гдѣ они находятся и куда ихъ выбросило?— не зналъ ни самъ начальникъ, ни его спутники—подчиненные. Это происходило уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, слѣдовательно до зимы оставалось не много времени.

По положенію звѣздъ и компасу, Дежневъ понималъ, что его занесло далеко къ югу, и потому рѣшилъ, не удаляясь отъ морскаго берега, направиться къ сѣверу. Десять недѣль путники, испытывая страшныя бѣдствія, терпя голодъ и холодъ, брели

не зная сами куда. Наконецъ дошли до Большой рѣки, впадающей въ море. Это была желанная Анадырь; но положеніе казаковъ нисколько не облегчилось. Кругомъ было то же безлюдье и безлѣсье.

У Дежнева оставалось только 25 человѣкъ, остальные померли. Остановившись близъ устья, онъ послалъ 12 казаковъ вверхъ по Анадыри, узнать и посмотрѣть неизвѣстную страну. Черезъ двадцать дней казаки возвратились, не найдя ни людей, ни лѣса и потерявъ нѣсколькихъ товарищей отъ голода и холода. Зима 1649 года была проведена въ землянкахъ, отапливаемыхъ выброшеннымъ изъ моря деревомъ. Пищею служила рыба, которою изобилуетъ рѣка, и мясо дикихъ сѣверныхъ оленей, никогда не видавшихъ людей, и потому смиренныхъ и доверчивыхъ. Питье свѣжей и теплой оленьей крови предохранило зимовавшихъ отъ страшной болѣзни, цынги, всегда губительно дѣйствующей на дальнемъ сѣверѣ.

Весною Дежневъ приступилъ къ постройкѣ судна изъ выброшеннаго моремъ дерева, и когда работы были окончены, поплылъ вверхъ по Анадыри. Послѣ многихъ сотенъ верстъ безлюдной, голой пустыни, по рѣкѣ стали встрѣчаться кустарники, потомъ деревья и наконецъ показались люди. Это было малочисленное бродячее племя, называвшее себя анаулами. Дежневъ обложилъ ихъ ясакомъ, но такъ какъ анаулы скоро выказали коварные замыслы противъ русскихъ, то были безпощадно и поголовно истреблены. Такая жестокая мѣра, безчеловѣчная по нашимъ современнымъ понятіямъ, тогда считалась повсемѣстно самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Здѣсь Дежневъ построилъ довольно прочное зимовье, послужившее основаніемъ существующему до сихъ поръ Анадырскому Острогу или Анадырску, самому отдаленнѣйшему изъ всѣхъ русскихъ поселеній на дальнемъ сѣверѣ.

Дежнева и его спутниковъ всего болѣе беспокоила невозможность сноситься съ Колымою. Возвратиться туда тѣмъ же путемъ, по которому прибыли, оказывалось невозможнымъ по совершенному неимѣнію матеріаловъ, необходимыхъ для оснастки. Открывать же новый путь на западъ, по невѣдомой странѣ, Дежневъ не рѣшался. Вдругъ, къ величайшему изумленію заброшенныхъ и, безъ сомнѣнія, забытыхъ на родинѣ, странниковъ, въ апрѣлѣ 1650 года къ нимъ явились земляки, и къ тому же хорошіе и давно знакомые. Это былъ казакъ Моти́ро, съ партіею удальцовъ пришедшій съ Колымы. Оказалось, что Моти́ро, со своею партіею еще лѣтомъ предшествовавшаго 1649 года, съ Колымы поднялся по ея правому притоку, р. Анюю, перезимовалъ тамъ, и весною переволокся въ Анадырь. Вслѣдъ за Моти́рою съ Колымы же пришла другая русская партія Михаила Стадухина. Но такъ какъ между Дежневымъ и Моти́рою съ одной стороны и Стадухинымъ — съ другой издавна существовало взаимное неудовольствіе, то партіи не соединились, и дѣйствовали въ-рознь, каждая сама по себѣ.

О томъ, что случилось со Стадухинымъ и людьми его партіи, — не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Легко можетъ быть, что всѣ они погибли отъ болѣзней или вражескихъ рукъ, а можетъ быть и возвратились на родину безъ особеннаго успѣха.

Дежневъ, соединившись съ Моти́рою, хотѣлъ вначалѣ съ Анадыри пробраться на р. Пенжину, такъ же впадающую въ одинъ изъ заливовъ Восточнаго океана, но это предпріятіе осталось безъ исполненія, по неимѣнію проводниковъ и ненадежности собранныхъ свѣдѣній. Тогда рѣшено было спуститься по знакомой уже Анадыри. Вблизи устья рѣки была найдена обширная отмель, на которой казаки встрѣтили множество моржей и легко добыли большое количество, какъ тогда говорили и писали, «звѣринаго зуба». На морѣ снова явилась мысль

возвратиться на Колыму водою и снова была оставлена по той же причинѣ, т. е. по невозможности оснастки. Къ этому величайшему затрудненію присоединилось другое: встрѣчавшіеся изрѣдка чукчи все единогласно утверждали, что море около носа далеко не всякій годъ бываетъ свободно отъ льдовъ и потому не всегда удобно для плаванія.

Убѣдясь въ затруднительности возвратиться на родину моремъ, Дежневъ и Моти́ро опредѣлили слѣдовать по тому самому пути, по которому пришелъ послѣдній. А до возвращенія поискать новыхъ земель и новой добычи. Для этого оба предводителя рѣшились направиться къ югу моремъ и постоянно придерживаться берега. По неимѣнію ни холста, ни мочала, паруса были сдѣланы изъ оленьихъ кожъ, а на канаты и веревки пошли моржевые.

Плаваніе началось благополучно; моржей было много и добывать ихъ легко.

Далѣе къ югу стали встрѣчаться жители, мѣстами смѣрные и покорные, а мѣстами смѣлые и воинственные. Съ такими, по необходимости, приходилось вступать въ боевыя схватки.

Въ одной изъ такихъ схватокъ, къ общему сожалѣнію, былъ убитъ Моти́ро. Дежневъ, оставшись одинъ, продолжалъ свое плаваніе къ югу, и, дойдя до восточнаго берега, какъ оказалось впоследствии, большого полуострова Камчатки, встрѣтилъ довольно многочисленное и довольно трусливое племя коряковъ, владившихъ тогда громадными стадами оленей.

Отъ коряковъ Дежневъ узналъ, что бывшіе его товарищи Герасимъ Анкудиновъ и Феодотъ Алексѣевъ были выброшены еще южнѣе, и оба померли отъ цынги. Спутники же ихъ частію тоже померли отъ болѣзней, частію побиты инородцами, и что нѣкоторые построили для себя судно и поплыли на немъ неиз-

вѣстно куда и въ какую сторону. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этихъ скитальцахъ-труженикахъ болѣе нигдѣ никогда не было, но можно полагать почти съ увѣренностью, что ни одинъ изъ нихъ не возвратился на родину.

Въ 1654 году Дежневъ еще разъ, съ казакомъ Юшкой Силвестровымъ, спускался по Анадыри до отмели, для добыванія моржевыхъ клыковъ.

Дежневъ съ уцѣлѣвшими своими спутниками явился въ Якутскъ только въ 1656 году, съ огромною добычею, которая состояла преимущественно изъ звѣриныхъ зубовъ (моржевыхъ клыковъ или бивня).

Якутскій воевода, получившій донесеніе Дежнева о его восьмилѣтнемъ странствованіи, безъ всякаго сомнѣнія, счелъ этотъ подвигъ за самое обыкновенное дѣло и не почелъ даже нужнымъ дѣлать отписку въ Москву, гдѣ, можетъ быть, счумѣли бы сколько нибудь оцѣнить важность сдѣланнаго открытія, если не сейчасъ послѣ полученія, то непременно впослѣдствіи, когда на русскомъ престолѣ утвердился сынъ царя Алексѣя Михайловича, Петръ Алексѣевичъ, заслужившій во всемірной исторіи титулъ Великаго.

Дальнѣйшихъ указаній о Дежневѣ и его судьбѣ, къ сожалѣнію, не сохранилось.

Оставленное безъ вниманія на родинѣ открытіе Дежнева положительно не могло быть извѣстно въ Европѣ. Между учеными былъ поднятъ важный вопросъ: составляетъ ли Америка продолженіе Азіи, или существуетъ между этими частями свѣта какой нибудь морской проливъ? Споры происходили горячіе. Еще въ 1717 году, во время пребыванія, тогда еще царя, Петра Алексѣевича въ Голландіи, ученые просили его помощи

и содѣйствіи къ разрѣшенію занимавшаго ихъ важнаго вопроса. Царь обѣщалъ; но, занятый тогда еще неоконченною войною съ шведами, долженъ былъ отложить на время исполненіе своего обѣщанія. Спустя немного лѣтъ, французская академія наукъ повторила ту же просьбу. Петръ, тогда уже императоръ и окончившій Шведскую войну славнымъ миромъ, приступилъ, въ 1724 году, къ составленію большой экспедиціи для разрѣшенія занимавшаго всѣхъ вопроса.

Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ лично и давно извѣстный государю капитанъ 1 ранга Витусъ Берингъ, родомъ датчанинъ. Къ нему въ помощники—лейтенанты Чirikовъ, Шпинбергъ и мичманъ Чаплинъ. При достаточномъ числѣ матросовъ и мастеровыхъ, въ экспедицію было назначено нѣсколько ученыхъ для наблюденій и составленія коллекцій. 24 января 1725 года Чirikовъ съ командою выѣхалъ изъ Петербурга и 8 февраля былъ въ Вологдѣ, куда 14 прибылъ Берингъ. Экспедиція двигалась довольно медленно и только 16 іюня 1726 года достигла до Якутска, а на третій годъ послѣ отправления изъ Петербурга, именно 30 іюля 1727 года, всѣ члены экспедиціи собрались въ Охотскъ, откуда было предложено выйти въ море.

Въ Охотскѣ еще заблаговременно построили новый боть и начали починять старый. 22 августа экспедиція отправилась, и 6 сентября прибыла въ Большерѣцкій Острогъ, на западномъ берегу Камчатки, откуда сухимъ путемъ, сдѣлавъ болѣе 800 верстъ, добрались до Нижнекамчатска, на восточномъ берегу полуострова. Здѣсь зазимовали и приступили къ постройкѣ новаго судна Св. Гавріилъ, на которомъ, 13 іюля, Берингъ выступилъ въ море, имѣя съ собою 44 спутника. Дойдя до 67° сѣверной широты, онъ убѣдился только въ томъ, что, плывя къ сѣверу, Америка будетъ направо, а Азія налѣво, и возвратилъ-

ся въ Нижнекамчатскъ, откуда, перезимовавъ, возвратился въ Охотскъ, а потомъ черезъ Якутскъ въ Петербургъ. Главная цѣль экспедиціи, стоившей огромныхъ денегъ и, кромѣ того, обременившей жителей малолюдной Сибири, не была достигнута, и всѣ открытія ограничились однимъ безлюднымъ островомъ, послужившимъ потомъ могилою Беринга и носящимъ его имя. Неудачи не остановили настойчиваго мореплавателя. Онъ предложилъ, въ 1732 году, правительству проектъ новой экспедиціи: Императрица Анна Іоанновна изъявила согласіе. На сборы и приготовленіе пошло цѣлыхъ 9 лѣтъ, и только 4 іюня 1740 Берингъ, вмѣстѣ съ прежнимъ своимъ спутникомъ Чириковымъ и новымъ, Вакселемъ, вышли въ море изъ Петропавловскаго порта на двухъ судахъ; буря раздѣлила ихъ, и Чириковъ, потерявши 15 человекъ, съ остальными благополучно возвратился въ Камчатку.

Не такая судьба постигла Беринга и его спутниковъ. Разлучившись съ Чириковымъ, Берингъ открылъ нѣсколько острововъ — безплодныхъ и безлюдныхъ. Недостатокъ въ прѣсной водѣ заставилъ плавателей наполнить свои бочки водою, найденною на одномъ изъ открытыхъ острововъ; но эта вода оказалась вредною для здоровья. На кораблѣ развилась сильная цынга. Съ этого начались бѣдствія всего экипажа; заболѣлъ и самъ Берингъ. Конецъ августа и весь сентябрь погода стояла сырая, вѣтреная и туманная. Солнца не видали по цѣлымъ недѣлямъ, и потеряли возможность вести счисленія, по которымъ опредѣляется мѣсто нахожденія судна въ открытомъ морѣ. Въ октябрѣ поднялась страшная буря, продолжавшаяся 17 дней безъ перерыва. Люди, потерявъ всякую надежду на спасеніе, громко желали смерти; они ослабѣли до того, что къ рулю вмѣсто одного матроса ставили трехъ. Наконецъ, 4 ноября увидали землю, но не могли подойти къ ней, хотя работали изъ всѣхъ силъ

и ставили столько парусовъ, сколько могли. На другой день оказалось, что почти всѣ правые ванты полопались, и никто отъ слабости не былъ въ состояніи ихъ поправить. Въ 5 часовъ вечера бросили якорь, но канатъ скоро лопнулъ. Судно ударило о подводный камень; закинули другой якорь — и тоже канатъ лопнулъ. Ужасный валъ сдвинулъ судно съ камня и перебросилъ его на сравнительно тихое пространство съ песчанымъ дномъ, въ которомъ третій якорь удержался. Земля оказалась тѣмъ самымъ островомъ, который былъ открытъ Берингомъ во время первой экспедиціи. Островъ этотъ со всѣхъ сторонъ окруженъ подводными скалами, и только въ одномъ мѣстѣ есть узкій проходъ въ берегу. По удивительной случайности, бѣдствующее русское судно попало именно въ этотъ проходъ. Иначе гибель была-бы неизбежна. Изнуренные до крайности люди съ величайшимъ трудомъ спустили шлюбку. Лейтенантъ Ваксель и находившійся при экспедиціи ученый Штеллеръ, 6 ноября, сошли на берегъ, гдѣ, кромѣ хорошей воды, песку и камней, ничего не было. Вблизи берега нашлись песчаные бугры съ ямами, въ которыхъ было предположено устроить землянки. 8 числа стали перевозить больныхъ, но, къ несчастію, не сразу замѣтили, что свѣжій чистый воздухъ дѣйствуетъ убійственно на людей, притерпѣвшихъ къ душной атмосферѣ каютъ и подпалубныхъ помѣщеній. Нѣсколько человекъ умерло, лишь только поднесли ихъ къ люкамъ. Другіе умирали на берегу и на палубѣ. Множество волившихся на островъ песцовъ, никогда не видавшихъ и потому небожавшихъ людей, бросились на трупы съ жадностію въ глазахъ живыхъ, но и при такой страшной картинѣ у нашихъ матросовъ явились шуточки въ такомъ родѣ:

— Хорошо. Теперь вы насъ ѣдите, а потомъ мы васъ ѣсть будемъ!..

9 ноября, соблюдая всѣ возможные предосторожности, свезли на берегъ больного Беринга, но онъ не перенесъ страданій, происходившихъ отъ лѣтъ, болѣзни, а можетъ быть и внутренняго недовольствія самимъ собою, и скончался 8 декабря. Тѣло его похоронили въ той же ямѣ, въ которой онъ умеръ. Надъ могилою былъ поставленъ простой деревянный крестъ, замѣненный въ 1822 году памятникомъ. Мѣсто Беринга заступилъ Ваксель. Главныя заботы были устремлены на добываніе пропитанія. Стали ѣсть все, что попадалось живое. Досталось, конечно, и песцамъ. Незнавшіе и невидавшіе людей, морскія животныя были вполнѣ довѣрчивы, и потому убивать ихъ было не трудно. Первыми показались, такъ называемые, камчатскіе бобры; ихъ добывали, но не для мяса, — оно слишкомъ жестко, а для дорогихъ шкуръ *). Послѣ бобровъ явились морскіе коты, тоже несъѣдобные и съ дешевыми шкурами. Лучшую пищу доставляли морскія коровы и молодые сивучи. Часть мяса коровъ и сивучей посолили для обратнаго плаванія, въ которое не теряли надежды. Одинъ разъ къ берегу прибило мертвaго кита, отвратительное мясо котораго употреблялось въ пищу только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Наши, никогда не унывающіе матросы, прозвали этого кита своимъ «запаснымъ провіантскимъ магазиномъ».

Къ веснѣ у Вакселя изъ 75 человѣкъ остался въ живыхъ только 45; остальные померли. Желаніе возвратиться къ своимъ у всѣхъ было сильное; но гдѣ взять для этого средства? — Починить полуразбитое судно не было никакой возможности. Тогда явилась мысль — изъ стараго большого судна построить небольшое новое. Но при этомъ рѣшеніи явилось затрудненіе,

---

*) Еще въ то время шкурка камчатскаго бобра стоила въ Кяхтѣ отъ 80 до 100 тогдашнихъ въ 6½ золотниковыхъ рублей. Возвратившіеся съ острова привезли съ собою до 900 шкурокъ.

тоже новое, и вмѣстѣ съ тѣмъ отлично обрисовывающее характеръ настоящаго русскаго человѣка.

Старое судно необходимо было предварительно разобрать, но ни у кого на такое дѣло не подымались руки, потому что судно *казенное*. Къ разборкѣ приступили только тогда, когда Ваксель принялъ на себя всю отвѣтственность, вмѣстѣ съ другими офицерами. Потомъ вспомнили, что единственный, бывший на суднѣ корабельный плотникъ, умеръ; по этому горю взялся помочь сибирскій казакъ Савва Стародубцевъ, когда-то прежде бывший въ Охотстѣ и выдавшій какъ строить корабли. Работы начались въ первыхъ числахъ апрѣля; въ нихъ участвовали поголовно все безъ исключенія. Послѣ разборки стараго судна, было заложено новое, длиною по килю въ 40 футовъ, при ширинѣ въ 13 и глубинѣ 6½. Подводную часть осмолили, добывъ смолу изъ старыхъ ненужныхъ канатовъ. Верхніе же пазы по необходимости пришлось заливать жиромъ. Судно получило названіе «Святаго Петра», и 10 августа было спущено въ море. Одновременно съ судномъ была заложена шлюпка на 8 и даже на 10 человѣкъ. Со времени спуска судна до отплыва, погода стояла тихая. Св. Петръ былъ выведенъ шлюпкою за рифъ, тамъ наполненъ необходимымъ баластомъ, нагруженъ и, при слабомъ сѣверномъ вѣтрѣ, поплылъ въ море. Отходною точкою положили считать полуденную линію (меридіанъ могилы Беринга). 18 августа, при сильномъ противномъ вѣтрѣ, въ суднѣ оказалась течь и оно стало наполняться водою, не смотря на усиленное дѣйствіе двухъ помпъ. Снова гибель казалась неизбѣжна, но, по счастію, удалось найти и законопатить пробоину, воду откачали, вѣтеръ перемѣнился, и ровно черезъ недѣлю, 25 числа, увидали возжелѣнный берегъ, хотя и пустынный, но *своей* Камчатки, а 27 бросили якорь въ

Петропавловскомъ портѣ. Здѣсь перезимовали, и въ слѣдующемъ 1743 году, на томъ же Св. Петрѣ, прибыли въ Охотскъ.

Вторая экспедиція Беринга стоила еще дороже первой (въ ней находилось болѣе 200 человекъ), и тогда не достигла настоящей цѣли, хотя способствовала утвержденію мысли, что Америка островъ, отдѣленный отъ Азіи проливомъ.

Чрезъ 36 лѣтъ послѣ смерти Беринга (въ 1778 году), знаменитый англійскій мореплаватель, капитанъ Кукъ, имѣлъ намѣреніе повторить прежнюю попытку, но тоже не имѣлъ успѣха. Поднявшись до 70°, т. е. сѣвернѣе Беринга на 3 градуса, Кукъ, предложившій назвать предполагаемый, но имъ невидѣнный, проливъ *Беринговымъ*, возвратился на Сандвичевы острова, гдѣ дикіе туземцы его убили и съѣли. Попытка въ слѣдующемъ году, занявшаго мѣсто Кука, англійскаго капитана Клерка, тоже осталась безъ послѣдствій. Существованіе пролива было доказано въ точности, но никому послѣ Семена Дежнева проплыть черезъ проливъ не удалось. Эта честь, какъ мы уже замѣтили выше, принадлежитъ финляндскому уроженцу Норденшильду, открывшему сѣверо-восточный путь изъ Европы въ Америку, путь, который тщетно искали еще въ XV столѣтіи.

Проливъ, по всей справедливости, имѣющій право называться *проливомъ Дежнева*, безъ всякаго сомнѣнія, останется на вѣчныя времена «Проливомъ Беринга!»

pkm
AT

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДОСУГЪ И ДѢЛО“

издающійся по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, ежемѣсячно, выходитъ 1-го числа cadaго мѣсяца, книжками отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, что въ годъ составитъ около 2,000 страницъ, по слѣдующей программѣ: кромѣ повѣстей и разсказовъ изъ народнаго быта, журналъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Духовныя поученія и разсказы изъ жизни святыхъ. 2) Статьи по исторіи русскаго народа. 3) Описаніе замѣчательныхъ мѣстъ въ Россіи какъ въ религіозномъ, такъ и въ историческомъ и другихъ отношеніяхъ. 4) Описаніе характера, нравовъ и образа жизни народовъ, живущихъ какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ частяхъ свѣта. 5) Статьи по части сельскаго хозяйства. 6) Жизнеописанія знаменитыхъ русскихъ людей, какъ-то: полководцевъ, извѣстныхъ писателей и ученыхъ. 7) Знакомство съ природою и вообще сообщенія разныхъ полезныхъ свѣдѣній.

Подписная цѣна 4 руб. съ пересылкою во всѣ города Россіи европейской и азійской.

Каталогъ изданныхъ редакціею книгъ при семъ прилагается.

БОЕВЫЕ ПОДВИГИ РУССКОЙ АРМІИ.

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ.

Отъ временъ Петра Великаго, когда едва набранная и на-скоро обученная русская армія на-голову разбила первыя войска въ Европѣ, до послѣдней турецкой войны, въ которой тотъ же русскій солдатъ на удивленіе всего міра зимою перешелъ самъ и перетаскилъ вслѣдъ за собою артиллерію чрезъ снѣжныя вершины Балканскихъ горъ — русская армія своею доблестью являла примѣры изумительнаго геройства какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Въ видахъ нагляднаго изображенія такихъ геройскихъ подвиговъ какъ цѣлыхъ частей войскъ, такъ и отдѣльных лицъ редакция журнала «Досугъ и Дѣло», съ одобренія военнаго министра и съ ВЫСОЧАЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА соизволенія, съ 1888 г. издаетъ рядъ хромофотографическихъ картинъ, изображающихъ боевые подвиги русскаго солдата. Для выполненія этого, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было разрѣшить снять коніи съ картинъ, находящихся въ Зимнемъ дворцѣ.

Съ 1888 года редакция издала два выпуска такихъ картинъ. Нынѣ вышелъ 3-й выпускъ, который, подобно двумъ предъидущимъ, состоитъ также изъ четырехъ картинъ слѣдующаго содержанія: 1) «Подвигъ мужества и преданности долгу бомбардира Микитина въ Средней Азіи; 2) «Подвигъ купца Иголкина во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII»; 3) «Бой подъ Плевной за Зеленныя горы»; 4) «Бой на Шипкѣ».

Подписная цѣна на этотъ выпускъ для выписывающихъ «Досугъ и Дѣло» на 1898 г., 5 р. съ пересылкою 5 р. 50; для прочихъ 6 р. безъ пересылки и 7 р. съ пересылкою.

Подписка какъ на журналъ на 1898 годъ, такъ и на 3-й выпускъ открыта въ редакціи журнала «Досугъ и Дѣло» (Фонтанка 145).

Изъ первыхъ двухъ выпусковъ осталась только одна картина «Подвигъ рядоваго Кореннаго», Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2007079524